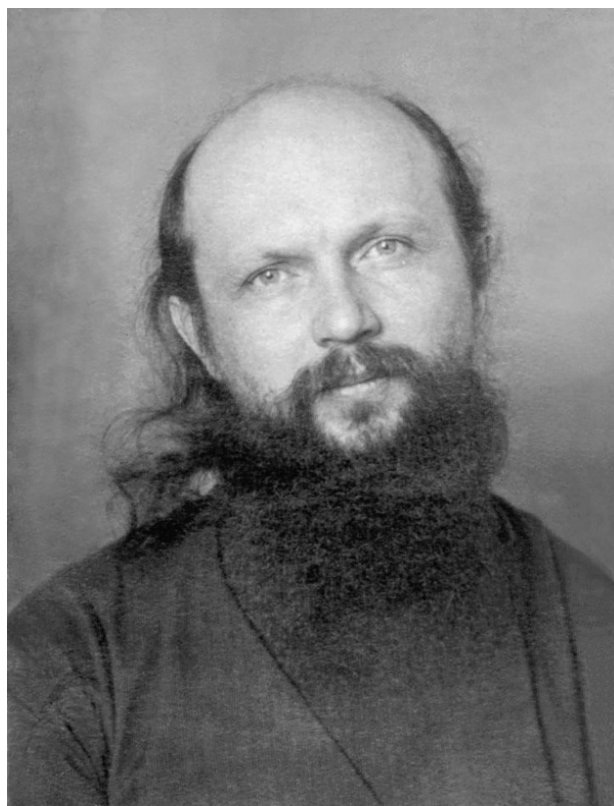

Священномученик Михаил Околович

память 16 июня нов.ст.

Священномученик Михаил родился 15 октября 1888 года в городе Полоцке Витебской губернии в семье священника, служившего в Спасо-Евфросиниевском женском монастыре, Федора Околовича. В 1899 году Михаил окончил начальную школу и поступил в Полоцкое духовное училище. В 1904 году он поступил в Витебскую Духовную семинарию, а по завершении обучения в ней поступил в 1910 году в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую окончил по первому разряду в 1914 году. Родители Михаила предполагали, что он примет монашеский постриг и займет какой-либо из церковно-административных постов, но вышло иначе.

В 1913 году он познакомился со студенткой Бестужевских курсов Марией Максимовной Матрюкович, уроженкой города Моршанска Тамбовской губернии. Ее дед был крепостным крестьянином, но уже отец стал обеспеченным и даже зажиточным человеком и желал, чтобы дочь получила хорошее образование и вышла замуж за человека, не принадлежащего ни к крестьянскому, ни к духовному сословию. Однако все вышло вопреки пожеланиям родителей. В 1914 году Михаил Федорович и Мария Максимовна обвенчались. 30 сентября 1914 года

Учебный комитет при Святейшем Синоде постановил назначить на должность законоучителя и инспектора Иркутского духовного училища «Михаила Околовича, с принятием им священного сана»^[1]. 23 ноября 1914 года Михаил Федорович был рукоположен во священника к училищному храму. В марте 1915 года отец Михаил был избран членом училищного совета, а в июне 1917 года — членом Иркутского епархиального училищного совета. В том же году на собрании духовенства и мирян Иркутской епархии отец Михаил был избран делегатом на Всероссийский Поместный церковный собор.

Священник Михаил Околович. 1917 год

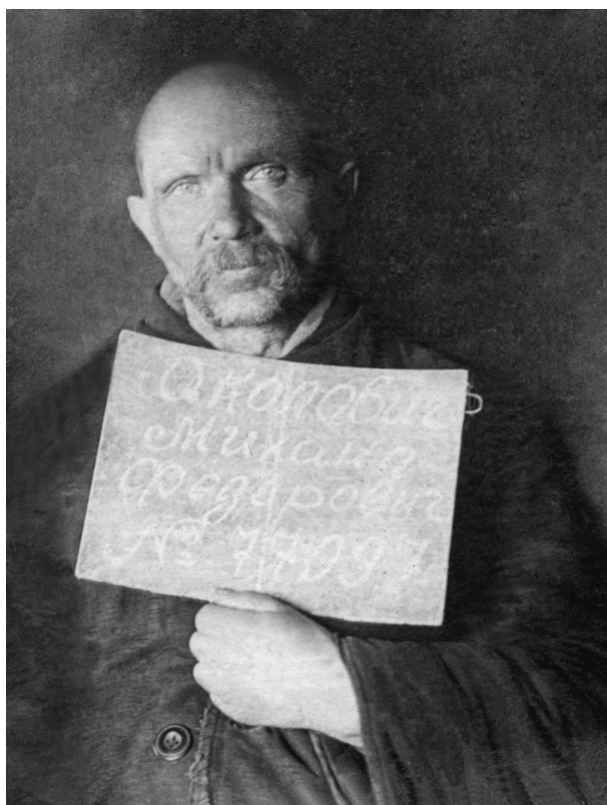
В 1918 году после прихода к власти безбожников духовное училище было закрыто, и отец Михаил был назначен служить священником в Крестовоздвиженскую церковь в Иркутске. К этому времени он стал одним из наиболее известных и уважаемых пастырей города — его полюбили за истовое благоговейное служение, глубокую, сердечную проповедь, сострадание к людям, готовность всегда прийти на помощь. Из-за популярности священника Иркутская ЧК установила за ним постоянное наблюдение.

В феврале 1921 года сотрудники ЧК произвели на чердаке Крестовоздвиженского храма обыск и нашли патроны, порох и одну гранату. Отец Михаил и сторож храма были обвинены в хранении

оружия. Обвиняемые отказались признать себя виновными. 26 мая 1921 года состоялось заседание Революционного трибунала, который не смог доказать виновность священника и сторожа в хранении оружия, к чему они и в действительности не были причастны, и вскоре обвиняемые в связи с четырехлетней годовщиной Октябрьского переворота были освобождены. Отец Михаил вернулся служить в Крестовоздвиженский храм.

Епархия переживала тяжелое время, так как церковную власть при поддержке безбожных властей пытались захватить обновленцы, и отец Михаил решением духовенства Иркутской епархии был направлен в Москву к Патриарху Тихону. Он поставил в известность Патриарха о положении дел в епархии во время отсутствия на кафедре православного архиерея и выразил Святейшему твердое суждение иркутского православного духовенства и паствы, что с обновленцами, как с предателями веры, не следует вступать ни в какие переговоры. Отцу Михаилу часто приходилось выступать с проповедями во время богослужений управляющего Иркутской епархией епископа Нижнеудинского Кирилла (Соколова). 22 сентября 1924 года он произнес слово в Тихвинской церкви во время награждения одного из старейших священников Иркутска, протоиерея Феодора Верномудрова, прослужившего в священном сане сорок лет.

Обращаясь к протоиерею Феодору, отец Михаил сказал: «Ты заслужил высокую и священную награду, твоя доблестная глава достойно увенчана ею, ты в скорбные и смутные дни глубокого церковного раскола, разъедающего, как злокачественная гангрена, церковное тело, в дни шатания умов и увлечения многих мутной волной еретического, так называемого “обновленческого” течения был той осью, около которой вращалась православно-церковная жизнь Иркутской епархии, был центром, к которому силой твоего обаяния влеклись и льнули все, для кого исконное русское православие не пустой звук, а бесценное сокровище и в ком горел огонь любви и преданности Святой Церкви с ее священными канонами, вековыми преданиями и со всем ее строем. И если не всецело, то в большей мере тебе мы обязаны тем, что видим сегодня на твоём празднике, — тесным единением пастырей между собою и не менее тесным единением их с паствой; тебе же главным образом мы обязаны тем, что Церковь Иркутская имеет радость теперь, после двухлетнего перерыва, снова возглавляться каноническим епископом, восстановив через него связь с главою всей Русской Церкви — Святейшим Патриархом. Теперь мы на твердой позиции, теперь мы спокойны за церковное дело, теперь нам не страшны отщепенцы и враги православия — “обновленцы”»^[2].

Протоиерей Михаил Околович. Тюрьма одного из отделений Дальлага. 1938 год

27 октября состоялось торжественное архиерейское богослужение в Тихвинской церкви. За запричастным стихом отец Михаил сказал слово к молящимся о евангельском Сеятеле, Который и теперь сеет слово через святое Евангелие. *Сеятели бывают разные. В настоящее время сеют при дороге — в театрах, кинематографах и других местах развращенных. Вот приезжал ложный митрополит и сеял человеческое слово. Вот едет новый разрушитель сердец человеческих — он будет сеять слово дьявольское. Не следует туда ходить, ибо слушать их опасно. На этой дороге будет много прохожих, слетятся птицы, хищные коршуны будут выклевать слово Божие и посеют плевелы... Нужно жить и веровать в простоте сердца, а не гоняться за ученостью и мудростью. По выражению одного русского подвижника, «где просто, там и ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного». Господь нас зовет и влечет к Себе словами Евангелия: «Придите ко Мне все труждающиеся». А поэтому и будем спокойны, зная, что один только Господь сеет доброе семя. Его будем слушать, а не проповедников тщетной философии. Будем иметь пред собою образ Распятого Христа, который советует всегда иметь пред глазами апостол Павел галатам ([Гал.3:1](#)). Мы, пастыри, ищем не вас и не вашего, а ваши сердца, чтобы они*

дали добрые плоды. Этого да сподобит всех Господь, всегда живой во веки. Аминь.

Осенью 1924 года Иркутск посетил один из основателей обновленчества, сложивший с себя сан священника, Калиновский. Для участия в диспуте с ним были приглашены епископ Нижнеудинский Кирилл (Соколов), многие известные священники Иркутска, и в частности, отец Михаил Околович. По тщательном обсуждении православное духовенство отклонило первоначальное предложение обновленцев, потому что диспут предполагался платным и, значит, как зрелище, а для зрелища и состязания пастыри идти не хотели, и во-вторых, было неизвестно, будет ли ставиться Калиновским вопрос о бытии Бога и в какой форме, чтобы это не вылилось в кощунство, что недопустимо было, если бы диспут проходил в храме, как предлагали это обновленцы. И потому владыка Кирилл направил властям письмо, в котором писал, что православное духовенство согласно на участие в диспуте, но только если он будет бесплатным и не в храме. Начальник местной конвойной команды направил ответ епископу, что диспут с Калиновским может состояться в помещении команды. Первым выступил Калиновский, который заявил, что до революции люди были ограничены в развитии, теперь же они свободно могут решать все вопросы. Например, раньше не знали, что такое солнце, теперь знают. Люди теперь все тайны узнали, и религии теперь для них не нужны. Затем он стал высмеивать сотворенный Господом Ангельский мир, святителя Николая Чудотворца и в заключение призвал обращаться к науке, а не к Богу, так как наука для человека — все и где наука, там, мол, нет Бога, и призвал присутствующих нести свет знаний в деревню, чтобы и там перестали веровать в Бога.

В ответ выступил отец Михаил Околович. Осенив себя крестным знаменем, он сказал, что говорить с людьми, которые всецело разделяют взгляд Калиновского нелегко, и он просит об одном — спокойно выслушать его, и если хотя одно только сердце из присутствующих выслушает со вниманием о бытии Божиим, то он будет вознагражден. Калиновский, говоря о Боге, не доказал, можно ли познать Его эмпирически, то есть постигнуть умом, увидеть глазами, осязать руками, и ему этого никогда не доказать, потому что наука имеет известный предел, далее которого проникнуть она бессильна. Но эта область непостижимого внешним опытом постигается внутренним чувством человека. Человек сердцем входит в общение с Богом и здесь познает и постигает Его. Мы верим в существующее, вы — в несуществующее, наша вера положительная, ваша — отрицательная, наша вера разумная, ваша — безумная. Мы верим, что в мире все

совершается от разных причин, а вы все приписываете случаю. А поэтому мы к логике, к разуму зовем вас. Вот звезды на небе, но они не сами по себе откуда-то взялись, кто-то их повесил там. Вот времена года чередуются между собой планомерно, вот планеты совершают путь свой по небосклону — и все сие по известным законам делается. Но законов без законодателя нет, и такой Законодатель может быть и есть только Бог. Когда избрали почетным членом академии известного ученого Пастера, он сказал: «Я глубоко верующий». — «Как же вы верите, ведь вы много знаете?» — спросили его академисты. Пастер ответил: «Потому я и верую в Бога, что много знаю, и чем больше у меня будет знаний, тем больше буду веровать». Что такое Библия? Это не кодекс законов, не собрание разных циркуляров, это — сборник нравственных правил и человеческих желаний. Эта книга ученая из ученых. Вот, например, в XVI веке ученые думали и насчитывали на небе всего тысячу двадцать две звезды. Позднейшие же ученые доказывали, что их бесчисленное множество. До Коперника утверждали, что земля стоит на трех китах, а Коперник доказал, что она вращается в пространстве, и с ним ученые согласились, — между тем как Библия была до Коперника, и она как раз говорит эту истину в следующих словах: «Он, то есть Бог, повесил землю ни на чем» (Иов.26:7). Отец Михаил еще долго говорил, пытаясь убедить присутствующих в соответствии Священного Писания истине. Затем выступили другие православные пастыри. В конце диспута на сцену вышел известный в Иркутске юродивый, который сказал Калиновскому: «Жизнь без веры и религии то же, что оранжерея без цветов, муж без жены, дети без матери, ораторы без речи, музыка без звуков...»

В это время из зала раздались крики безбожников: «Долой, довольно!» «Вы кричите “долой, довольно”, — продолжил юродивый. — Хорошо. Не надо ничего: уничтожим все красивое в мире, не нужно заповедей: не убий, не прелюбы сотвори, не укради, — если все отставить, то с чем останемся? Дальше ничего нет... Жутко... Взрослые не хотят слушать, так я хочу сказать несколько слов детям...»

Однако ему не дали договорить, и на этом диспут закончился. ОГПУ пристально наблюдало за церковной жизнью в городе и за каждым сколько-нибудь выдающимся пастырем. Отца Михаила неоднократно в те годы вызывали в ОГПУ, предлагали снять сан, поменять деятельность священника на деятельность педагога, предлагали стать осведомителем, поддержать обновленцев, обещая высокое положение в обновленческой иерархии, но все эти предложения священник категорически отверг; и власти приняли решение его арестовать. Незадолго перед арестом отец Михаил был возведен в сан протоиерея.

17 февраля 1925 года отец Михаил вместе с некоторыми другими выдающимися пастырями города был арестован и заключен в иркутскую тюрьму. Один из сотрудников ОГПУ после обыска в квартире священника написал в своем рапорте: «Околович, судя по его разговору и по книгам, имеющимся у него, поп не простой, а современный, просвещенный. Так у него, кроме книг религиозно-нравственного, духовного содержания и беллетристики, есть немало книг по философии, социологии... Характерно, что Околович имеет книги антирелигиозного содержания... имеются газеты... У Околовича оказались деньги, собранные комитетом прихода Крестовоздвиженской церкви (он секретарь комитета)... Деньги разделены по отдельным мешочкам: так есть деньги, собранные для бедных, для заключенных домзака, для больных в домзаке. Есть порядочное количество прошений и заявлений о выдаче пособий ввиду бедности, болезни, есть записки с выражением благодарности и признательности за оказанную помощь из домзака за подписями врачей больницы домзака, есть несколько уведомлений о получении продуктов, денег с выражением благодарности от имени больных»^[3].

На допросе следователь спросил священника: — Скажите, каковы ваши политические убеждения в настоящий момент? — Я не имею определенных политических убеждений. Советской власти я не вполне симпатизирую; как человек религиозный и священник, я отвергаю в принципе компартию, как антирелигиозную, — ответил отец Михаил.

— Вы состоите членом совета при епископе Кирилле?

— Мне никто не объявлял, что я член совета. Я участвую в совещаниях при епископе по его приглашению.

— Вы ездили по поручению иркутского духовенства к Патриарху Тихону?

— Да, по просьбе духовенства, проездом на родину я заезжал к Патриарху в Донской монастырь.

— Какие вы разрешали вопросы?

— О назначении православного епископа, о примирении Патриарха с Красницким, и получил информацию по церковным вопросам.

— Скажите, гражданин Околович, существует ли у вас комитет помощи заключенным?

— Есть у нас при совете церковном благотворительные суммы, которые выдаются всем, кто обращается за помощью, но фактически в

Иркутске особого комитета помощи заключенным не существует и не существовало.

После окончания допроса, прочитав текст записанных следователем ответов, отец Михаил написал пояснение: «...считаю нужным дополнить, что ответ на вопрос об отношении к советской власти и партии уполномоченным записан сжато, а подробно я говорил, что вообще мое отношение лояльное, и только на вопрос, во всем ли я сочувствую ей, я ответил, что не могу сочувствовать антирелигиозным целям ее, точно так же и к компартии отрицательное отношение по вопросам религии»^[4].

8 апреля 1925 года помощник губернского прокурора, рассмотрев следственное дело, составил заключение, написав, что «произведенным следствием... надлежит признать установленным значительное усиление влияния на массы Православной Церкви тихоновского направления, факт обостренной борьбы с обновленчеством, теряющим авторитет среди масс, стремление тихоновцев расширить и закрепить свое влияние... Хотя произведенным следствием формально не установлено конкретных данных о контрреволюционной деятельности... и... нет оснований к преданию обвиняемых суду, тем не менее прошлое социальное положение обвиняемых и их контрреволюционная деятельность при царском строе... и в первый период советской власти, активное выявление себя при Колчаке и наконец судимость... за контрреволюционную деятельность во второй период советской власти в Сибири — дает полное основание считать, что деятельность обвиняемых... принимает характер, угрожающий основам советского правопорядка...»^[5]

Дело было отправлено в Москву на изучение сотрудников 6-го отделения секретного отдела ОГПУ, которые рекомендовали заключить священников на три года в лагерь. 13 ноября 1925 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило священников, и среди них протоиерея Михаила, к трем годам заключения в концлагерь. Они были направлены в распоряжение управления Соловецких лагерей особого назначения, которое отправило их отбывать заключение в Вишерское отделение Соловецких лагерей.

В лагере отец Михаил некоторое время исполнял должность табельщика и счетовода. Поскольку по окончании срока заключения ему было запрещено жить в Иркутске, отец Михаил поселился в Минусинске, куда прибыл в июне 1928 года. Сначала он мало кого здесь знал, но затем познакомился с епископом Минусинским Димитрием (Вологодским) и местным духовенством. Сюда к нему приехала жена, оставив дочь Анну на попечение близких. Служить в храме власти ему запретили, на

светскую работу его не принимали как священника, и он пел в храме на клиросе, а жили тем, что продавали последние оставшиеся у них вещи. Из Минусинска отец Михаил писал духовным детям: «Здесь чувствуется отсутствие друзей, особенно это замечается в праздничные дни. Дома не хватало времени на посещение друзей, а здесь есть время, да друзей нет — они далеко. Всегда с нетерпением ждем писем, и получение писем значительно поднимает настроение... Я не скажу, чтобы я очень тосковал или унывал, но настроение тяжелое все-таки бывает. Главная причина, что я не могу сейчас своими трудами добывать средств к жизни. Постоянно идут на память слова Господа Иисуса Христа, приводимые апостолом Павлом: блаженнее давать, нежели принимать (Деян.20:35)... Лично я для некоторого успокоения обращаюсь к словам... апостола: Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя (1Тим.4:16). Дома мне этого почти совсем не приходилось делать. Сейчас мне как бы дается на это время. Если я его не использую в данном направлении, то не будет мне никакого оправдания. И все-таки иногда жалею, что не знаю какого-нибудь полезного рукоделия... Просим не забывать нас в молитве и хоть изредка радовать нас письмами или хоть коротенькими весточками о себе. Да сохранит вас Господь и укрепит!»

В начале тридцатых годов поднялась новая волна гонений на Русскую Православную Церковь, направленная, в частности, на уничтожение остатков епархиального управления, для чего арестовывались прежде всего правящие архиереи и близкое к ним духовенство. Такие аресты прошли и в Минусинске, и 26 февраля 1933 года среди других был арестован и отец Михаил. Всего по делу было арестовано восемьдесят два человека.

Организаторы этого дела, Буйницкий, Писклин и Рабинович, писали в обвинительном заключении: «Возникновение контрреволюционно-монархической организации относится к 1929–1930 годам, то есть к периоду важнейшего мероприятия правительства — ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Деятельность староцерковников, проходившая до того времени в пределах общины, направленная на борьбу с обновлением и сохранением численности своих общин, резко изменила свое направление, став на путь активной борьбы с проводимыми на селе партией и правительством мероприятиями. В воскресные дни, когда верующие собирались в церковь на богослужение, священники в проповедях, обращаясь к народу, говорили, что “слово Божие” начинает сбываться, антихрист вводит смуту среди народа и так далее. К этому

приводили пример: выселение и распродажу крестьянских хозяйств...»^[6]
Одним из главных обвинений священников было то, что они, «вербуя членов для контрреволюционной организации, вели борьбу против проводимых партией и правительством мероприятий в деревне, в особенности против колхозов, подрывающих основу религии»^[7]. Вызванный на допрос, отец Михаил виновным себя не признал и в своих собственноручных показаниях написал: «По вопросу существования какой-то организации, направленной к противодействию начинаниям советской власти, я ни от кого ничего не слыхал; не слыхал и разговоров о необходимости создания какого-либо объединения для подобной цели»^[8].

10 июня 1933 года тройка Полномочного Представительства ОГПУ приговорила протоиерея Михаила к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, и он был отправлен в 4-е отделение Дальлага НКВД Паха, в лагпункт Балынь, заключенные которого занимались строительством города Комсомольска-на-Амуре. Из заключения он писал письма супруге и духовным детям; из всех писем сохранилось только одно, написанное 24 июля 1935 года и адресованное духовной дочери: «Вот и закончился период нашей весенней изолированности: прошел Амур, пошли пароходы, и мы снова можем утешаться, получая весточки от наших родных и друзей. Я уже ошарашен получением трех старых писем да одной свежей открытки от домашних. После зимнего перерыва я писал Вам, поздравлял и выражал свои благопожелания. К сожалению, это письмо затерялось. Я все надеялся, что оно все-таки дойдет, но и в последних письмах сообщают о том, что оно так и не получено. Конечно, от потери его Вы ничего не потеряли, но мне огорчительно, что у Вас может сложиться представление, будто я или забыл Вас, или настолько безразлично отношусь к Вам, что даже не считаю долгом поблагодарить за проявление Вашей заботы и участие. Нет, дорогая. Вашу память обо мне и участие я очень ценю и бесконечно благодарен за них. Причем я не настолько избалован этим, чтобы мог безразлично к этому относиться. Скажу больше, по складу своего характера я очень привязчив и забыть своих друзей и хороших знакомых не могу никогда. Пожалуй, в этом отношении даже ревнив более чем следует. Претендовать на то, чтобы меня помнили, я не могу, но очень скорблю, когда некоторые из близких лиц совершенно исчезают из вида и я о них ничего не могу узнать... Беспощадная смерть унесла многих друзей, живые рассеялись и забыли, а новых не приобреталось. Вполне понимаю неизбежность полного забвения и одиночества, но безразлично пока к этому относиться трудно. Время свое сделает... У меня... юбилейный год — десять лет скитальческой жизни. К тихому берегу в этой жизни уже не чаю

пристать. Пока еще жив и тяну лямку. Конечно, если бы не милость Божия и поддержка близких, уже не таскал бы ноги. В отношении работы и прочего настоящее положение свое считаю хорошим. Больше терзаюсь за своих, у которых здоровье очень неважное. Буду очень рад узнать о Вашей жизни более подробные сведения... Да хранит Господь! Не поминайте лихом Вашего друга и кума. Далекий Амурец».

В 1937-1938 годах началось новое гонение на духовенство, коснувшееся и тех, кто находился в тюрьмах и концлагерях. В лагере отец Михаил оказался в одном бараке с учителем из Ишима и крестьянином из Тамбова, с которыми сложились у него хорошие отношения. 7 марта 1938 года осведомитель, по кличке Огарок, написал в донесении к оперуполномоченному, что эти трое заключенных находятся в хороших отношениях, что Околович, как священник, говорил, что все, что написано в Библии, сбывается, другие же поддакивали ему. Были вызваны дежурные свидетели, которые показали, что отец Михаил и два его сокамерника тесно сдружились, защищают друг друга; оправдываясь преклонными годами, стараются найти работу полегче; пользуясь большим скоплением людей, ведут контрреволюционную работу, которая заключается в том, что «заключенный Околович, как бывший священник, часто вставляет фразы из Библии, доказывает, что библейское предсказание полностью оправдывается»^[9].

11 марта отец Михаил был вызван на допрос.

— Следствию известно, что вы совместно с заключенными... вели контрреволюционную антисоветскую агитацию... Признаете вы себя виновным? — спросил его следователь.

— В предъявленном мне обвинении я себя виновным не признаю, — ответил священник.

26 марта 1938 года тройка НКВД приговорила отца Михаила и двух его сокамерников к расстрелу. Протоиерей Михаил Околович был расстрелян в тот же день, 26 марта, и погребен в общей безвестной могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Март». Тверь. 2006. С. 167-180

Примечания

^[1] РГИА. Ф. 802, оп. 11, 1914 г., д. 378, л. 1.

- [2] УФСБ России по Иркутской обл. Д. 17837, л. 24.
- [3] Там же. Л. 96.
- [4] Там же. Л. 146 об.
- [5] Там же. Л. 211.
- [6] УФСБ России по Красноярскому краю. Д. П-15510. Т. 3, л. 145.
- [7] Там же. Л. 167.
- [8] Там же. Л. 100 об.
- [9] ИЦ МВД Хабаровского края. Д. 4319, л. 14 об.